

DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-252-261

ЧИТАЯ «ДОН КИХОТА»

МАРК СЕРГЕЕВИЧ ХАРИТОНОВ

писатель, член Союза писателей России

(125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Гнездниковский пер., д. 10;
email: mkharitonov@mail.ru)

Аннотация. Автор перечитывает подборку заметок, сделанных в свое время по ходу чтения романа Сервантеса «Дон Кихот». Обсуждается отношение романа к понятиям «миф» и «пародия», возможность злободневной интерпретации «принципа донкихотства», важных намеков и утверждений.

Ключевые слова: принцип донкихотства, миф, пародия, рыцарские романы, правда, выдумка, сумасшествие.

Статья поступила 26.01.2021.

© 2021, М. С. Харитонов

DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-252-261

IN READING *DON QUIXOTE*

MARK S. KHARITONOV

writer, a member of the Russian Writers' Union

(10 Bolshoy Gnezdnikovskiy Ln., Moscow, 125009, Russian Federation;

email: mkharitonov@mail.ru)

Abstract: The article is devoted to close reading of *The Ingenious Gentleman Don Quixote of La Mancha*. The author supplies his literary-critical and existential comments to various episodes in the novel. He discusses the novel's relation to myth and parody as well as the possibility of such an interpretation of 'quixotism' and statements that would resonate with the present-day realia. Reading the book again, the critic recognises it as the epitome of parody. Thomas Mann referred to parody as a myth (imitation, following in somebody's footsteps). Here, parody gave rise to a new myth. The scene of the book burning would probably read more interesting if one had the knowledge of those books and could perceive the poignancy of this highly relevant intimation, this literary jibe — to the fullest extent, as we do while reading certain jibes in the modern press. But for this to happen, Cervantes will need his own Bakhtin. The critic suggests that Cervantes' idea of the book underwent changes in the process of the novel's writing, and so did the writer's self-awareness: the author in the second part is noticeably different from the author in the first.

Keywords: the 'quixotism' principle, a myth, a parody, chivalric romances, the truth, a lie, insanity.

The article was received on 26 Jan. 2021.

© 2021, M. S. Kharitonov

В одном из своих коробков с набросками на мелких листках я обнаружил забытую подборку заметок, сделанных почти полвека назад по ходу чтения «Дон Кихота», с указанием дат. Показалось интересно сейчас их выложить, лишь слегка редактируя, оставляя сокращения, скороговорки и тому подобное.

12.3.70. Я давно не перечитывал книгу, но из-за многих комментариев у меня успело сложиться логичное представление о том, почему такой рассудительный человек, как Санчо, идет за Дон Кихотом. Сам Сервантес объясняет так: «Это был человек добропорядочный <...> однако ж мозги у него были слишком набекрень. Дон Кихот такого ему наговорил, такого наобещал, что в конце концов бедный хлебопашец отправился с ним в качестве его оруженосца» (здесь и далее перевод Н. Любимова).

Но, перефразируя знаменитое высказывание Кафки, проклятие Дон Кихота вовсе не в его безумии, скорее, это Санчо Панса, который потакает его иллюзиям. Над этим стоит поразмышлять.

Перечитывая эту книгу сейчас, видишь в ней высшее выражение пародии. Томас Манн говорил о пародии как мифе (подражание, ступание в след). Здесь пародия породила новый миф.

Читать сцену сжигания книг было бы, наверно, интересней, если б уже знать эти книги, ощутить всю остроту злободневного намека, литературной колкости — на высшем уровне, как мы сегодня читаем иные колкости в современной прессе. Но для этого Сервантесу нужен свой Бахтин.

«А что это за книга?.. “Галатей” Мигеля де Сервантеса... Кое-что в его книге придумано удачно, кое-что он замыслил, но ничего не довел до конца».

Похоже, книга была начата с иным намерением, чем продолжалась.

13.3.70. Несколько раз наталкиваешься на фразу «Я хочу им отомстить» (за какую-то воображаемую провинность по отношению к другому лицу). Начинаешь испытывать неприязненное чувство: а по какому это праву он берется распоряжаться чужими судьбами — без их спроса? Вправе ли он вообще мстить, отнимать жизнь у других людей просто потому, что он лично считает это необходимым?

Между тем это важнейшая черта нарицательных Дон Кихотов, которые бросаются устанавливать справедливость по

своему усмотрению, устраивать чужие судьбы, даже всемирные, устраивать революции, насильно внушать свои представления о добре (так у Шолохова Нагульнов обосновывает коллективизацию). Можно говорить о самом принципе, о коварной опасности донкихотства.

Он симпатичен и забавен, когда воюет с ветряными мельницами (как символ вспоминают обычно это, потому что здесь Дон К. расплачивается сам). Но эпизод с баранами — уже совсем другое дело, потому что здесь он уничтожает десятки баранов, чье-то достояние. Сервантес держит его подчас на грани убийства — нескольких встречных он чуть не убил. Грань эту автор не переступает, потому что если бы не случайность — все дальнейшее потеряло бы всякую оправданность. (По Достоевскому: все благие намерения не оправдывают одной загубленной жизни.)

Все время ловишь себя на мысли: а что бы встречным не подыграть ему, не согласиться отправиться с ним в Тобосо к Дульсинее, а там пойти своей дорогой? И рыцарю было бы хорошо, и они обошлись бы без стычки. Зато какой бы фарсовый оборот принял весь сюжет! Едет человек, думает, что совершает подвиги, а на самом деле все с ним играют. Помнится, какой-то герцог-интеллектуал так и догадался сделать. Но я до этого места еще не дочитал.

14.3.70. Дон Кихот выглядит благородно, потому что в конечном счете он страдал. Но если вникнуть глубже — он заявлял, что идет защищать обездоленных, понимая это как свое право мстить первому встречному и «лишать его жизни», строго говоря, из-за своей прихоти. Устраивать счастье людей помимо их воли. (Вспомнилось: герой Е. Шварца Ланселот борется с драконом против желания жителей. Они к своему дракону привыкли, они боятся худшего. И Ланселот усмехается, упоминая, сколько раз его пытались убить люди, которых он хотел освободить.)

22.3.70. С какой позиции Сервантес критикует рыцарские романы? «Произведения, основанные на вымысле, надлежит писать так, чтобы, упрощая невероятности, сглаживая преувеличения и приковывая внимание, они изумляли, захватывали, восхищали и развлекали таким образом, чтобы изумление и восторг шли рука об руку». Но с этой точки зрения сам Дон К. не годится — здесь не сглажены преувеличения. Это,

может быть, верно для вставных новелл, написанных будто другим человеком, не слишком даровитым современником Сервантеса. Пожалуй, в иных из них С. больше использовал свой жизненный опыт (история человека, побывавшего в плену у арабов, как это было с самим писателем, — там даже упоминается некий Сааведра). Но вот доказательство, что опыт еще не все. Реальный, видимо, сюжет кажется менее достоверным, чем явно придуманный «Дон Кихот».

Такое впечатление, что осознанно Сервантес был склонен именно к такому сочинительству, как эти новеллы. «Дон Кихот» — почти нечаянная возможность проявить высшее в себе. Вначале Дон К. просто смешон. Чем дальше, тем больше С. находит у него достоинств: за исключением единственного «пунктика», помешательства, он мудр. Он по-своему (субъективно) добр и благороден.

А что касается рыцарских романов, то критика в их адрес выглядит не такой уж убедительной. Подумаешь — выдумка, подумаешь — небылицы! Вполне занятные сказки, способные доставить удовольствие. Кстати, и Сервантес постепенно как будто становится к ним снисходительнее.

Впрочем, рассуждают-то о литературе здесь персонажи, и, хотя то и дело кажется, что они выражают мнение автора, порой в это бывает трудно поверить. Трудно поверить, будто С. осуждает отступников от канонов классицизма, нарушающих на сцене единство места и времени. «Что может быть <...> несообразнее, когда в первой сцене первого акта перед нами дитя в пеленках, а во втором — это уже бородатый мужчина? Что может быть нелепее — изображать старика отважным, а юношу — малодушным, слугу — ритором, пажа — советчиком, короля — чернорабочим, принцессу — судомойкой?»

А рыцаря изображать сумасшедшим?

Между прочим, образ мышления Дон К. — типично ненаучный, можно сказать, экзистенциалистский. Он опирается только на собственное сознание, и в зависимости от этого преобразуется весь мир вокруг него. Как прекрасно доказывает Санчо Панса своему хозяину, сидящему в унижительной клетке, что тот не заколдован — ведь у него сохранились естественные потребности, ему хочется сходить по нужде.

«То правда, Санчо, — заметил Дон Кихот, — но я уже тебе говорил, что есть много способов колдовства, и может статься, что с течением времени одни сменялись другими и что ныне

применяется такой, при котором заколдованные делают все, что делаю я и чего не делали прежде. Так что против духа времени идти не стоит» (!).

И так он всегда приспособливает действительность к себе.

«Я знаю и стою на том, что я заколдован, и потому совесть моя спокойна, а ведь она язвила бы меня, когда бы я полагал, что я не заколдован, а просто от лени и из трусости не выхожу из клетки».

Вот главная для него мыслительная операция.

«Вот оно как! — воскликнул Дон Кихот. — Значит, эти книги, печатавшиеся с дозволения королей, одобренные теми, кому они были отданы на просмотр <...> сплошная ложь? <...> Полно, ваша милость, не кощунствуйте».

Нет, волей-неволей тянет сравнивать его с теми, кто идет на подвиги, уверовав в печатное слово — уже потому, что оно печатное, значит, все здесь правда, — и при чем здесь голос разума, трезвый взгляд, научное сопоставление фактов? Это вера, немногим отличающаяся от религиозной. (Каноник, отрицающий рыцарские романы, предлагает Дон Кихоту взамен читать «Книгу Судей».)

Но именно такие способны на революции — вопреки всем фактам, во имя идеи.

Описания удивительного благоденствия, которого достигают рыцари в результате своих трудов, — это столы, полные яств, девицы, умащивающие утомленное тело благовониями. Плата за нечеловеческие трудности и лишения — не родственно ли это мечтам о коммунизме, о золотом веке, который все оправдает?

А Санчо Панса — не те ли это очарованные крестьяне, которые поверили в сказки Дон К. немногим меньше, чем он сам? «О ты, более щедрый, нежели все Александры на свете, ибо всего только восемь месяцев, что я у тебя прослужил, ты пожаловал мне лучший из островов, омываемых и окруженных морем» — как будто этот остров уже побывал у него в руках, как будто он его видел!

Вернувшись домой, Санчо Панса рассказывает жене о приключениях, которые чаще всего попадают, «не такие, какие бы тебе хотелось». «Однако со всем тем до чего же хорошо в ожидании происшествий скакать по горам, плутать в лесах, взбираться на скалы, посещать замки, останавливаться на каких угодно постоянных дворах и при этом ни черта не платить за ночлег!»

23.3.70. Нет, Сервантес сознает свои слабости, случайны здесь не удачи, а слабые места. Восхитителен этот прием самокритики: бакалавр Самсон Карраско передает Дон Кихоту мнение читателей первой части: «Одним из недостатков этой истории <...> считается то, как автор вставил в нее повесть под названием “Безрассудно любопытный”».

25.3.70. И вот уже новое удивительное качество Санчо: он знает сумасшествие Дон К. и сознательно поддерживает это сумасшествие, обманывая его — но ведь продолжая при этом сопутствовать его сумасшествию, поддерживая собственное участие в сумасшествии! Я имею в виду сцену, где он выдает Дон Кихоту за Дульсинею простую крестьянку. Раньше он с грехом пополам верил Дон К., что мельницы — это заколдованные великаны. Но сейчас-то!

«Мой господин по всем признакам самый настоящий сумасшедший, ну, да и я ему тоже не уступлю, у меня, знать, этой самой придури еще побольше, чем у него, если я за ним следую и ему служу».

Вот так Санчо! И все глубже становится аналогия с Дон Кихотами революции — и с ее Санчо Пансами, которые уже знали, что их хозяин сумасшедший, но сами уже не хотели отказываться от собственного сумасшествия.

Авторское самосознание Сервантеса во второй части заметно иное, чем в первой. Он сам по-настоящему осознал, кто такие Дон Кихот и Санчо Панса, он использует их уже уверенней, не отвлекаясь на мелкие обоснования. Прием со ссылкой на якобы ставшую известной героям первую часть делает возможной очаровательную литературную условность, и он пользуется ею с полной мерой юмора.

28.3.70. Нет, поистине вторая часть становится все глубже и глубже. Мы все еще пытаемся понять, почему все-таки Санчо Панса пошел за Дон Кихотом. Вот он объясняет мнимому «оруженосцу» мнимого «рыцаря зеркал»:

Я молю бога, чтоб он <...> избавил меня от смертного греха, то есть от опасной службы оруженосца, связался же я с нею вторично, оттого что меня соблазнил и попутал кошелек с сотней дукатов, который я однажды нашел в самом сердце Сьерры Морены <...> и мне все чудится: вот я его хватаю руками, прижимаю к груди, несу домой, приобретаю землю,

сдаю в аренду и живу себе, что твой принц, и стоит мне об этом подумать, как мне уже кажутся легкими и выполнимыми те муки, что мне приходится терпеть из-за моего слабоумного господина, которого я почитаю за столько же рыцаря, сколько за сумасброда.

Вот как просто! Мы, вздохнув, уже готовы ему поверить, но буквально несколькими строками ниже слышим другую тираду:

У моего (господина. — М. Х.) хитрости вот на столько нет, душа у него нараспашку, он никому не способен причинить зло, он делает только добро, коварства этого самого в нем ни на волос нет, всякий ребенок уверит его, что сейчас ночь, хотя бы это было в полдень, и вот за это простодушие я и люблю его больше жизни и, несмотря ни на какие его дурачества, при всем желании не могу от него уйти.

Вот где высокий реализм. Это говорит Санчо Панса, уже сам понявший, как обманывает своего господина, желающий порой сам себя уверить, что едет за этим сумасбродом в надежде на кошелек с дукатами; он и в самом деле позаботился, чтоб Дон Кихот оставил ему долю в наследстве и обещал жеребенка от кобылы, — но порой кажется, что все эти материальные залогов нужны ему лишь для некоторого самоуспокоения, самообмана.

В чем лукавство идеи странствующего рыцаря — в том, что я бы назвал романтизмом. Не так уж он ищет обиженных, сирот и вдов — он ищет приключений, и прежде всего приключений. Это слово самое главное для него. Вот он встречает клетку со львами — при чем тут сироты и вдовы? Прислушаемся, сколько раз звучит здесь слово «приключение» — как самоцель, ради романтического упоения им, чтоб взбудоражить чувство, не так ли?

«Друг мой, подай мне шлем — или я мало смыслю в приключениях, или же то, что там виднеется, представляет собой такое приключение, которое долженствует принудить меня и уже принуждает взяться за оружие». «Я не сомневаюсь, это приключение, ожидающее меня, ужасно».

И когда попутный идалго спрашивает Санчо: «Неужели твой господин настолько безумен, что ты можешь думать и опасаться, как бы он не связался с такими хищными зверями?» — Санчо отвечает: «Он не безумен, он дерзновенен» (!). 29.3.70. К теме притчи о Дон К. и революции. Мы уже знаем, что

Дон К. никогда не видел Дульсинею, ради которой шел на все свои подвиги. «Послушай, еретик, — объясняет он Санчо Пансе, — не говорил ли я тебе, что я никогда не видел несравненную Дульсинею и не переступал порог ее дворца и что я влюбился в нее только по слухам». И когда хитрец Санчо Панса показывает ему Дульсинею в виде безобразной поселянки, он, смущенный, уверяет себя, что ее заколдовали.

Вот она, мечта, ради которой столько делается.

И в другом месте: «Я не выдумывал мою госпожу и не создавал ее в своем воображении, однако все же представляю ее себе такую, какую подобает быть сеньоре, обладающей всеми качествами, которые способны удостоить ее всеобщего преклонения».

Техника иронической детали: смущает не просто то, что Санчо Панса застал благородную Дульсинею за просеиванием зерна, но «в довершение всего говорится, что зерно было низкого сорта».

Томас Манн о «Дон Кихоте»: «Все речи Дон Кихота толковы и складны, но все поступки, которые он совершает, исходя из них, нелепы, безрассудны и ни с чем не сообразны. И едва ли автор не усматривает в этом некоей естественной и непреложной антиномии высокоразвитой моральной личности» [Манн 1961: 210].

3.4.70. Мало того, что Дон К. уже знают по опубликованным главам, он сам встречает некоего дона Альваро Тарфа, персонажа поддельного «Дон Кихота», и тот рассказывает ему о поддельном герое книги как о живом человеке, которого он препроводил в сумасшедший дом. Люди встречаются с книжными героями как с живыми, перемещают их из воображения в жизнь и обратно. Мне этот прием казался достижением поздней литературной техники. Но вот — как элегантно это делалось в XVI веке!

Приближаясь к последним страницам, все чаще задаешь себе вопрос, сознавал ли, завершая ее, сам Сервантес, какую он написал книгу? Мог ли он, начиная ее критикой рыцарских романов, держать в уме хотя бы десятую часть тех смыслов, которые теперь находят в тексте комментаторы? В том-то и дело, что такая вещь могла получиться лишь произвольно, сама собой. Завершить ее — не просветлением, но хотя бы смертью героя — и то оказалось непросто. Чувствуется, что он колеблется между

возможными финальными решениями. Под самый конец автор заводит рассказ о каком-то «третьем выезде» Дон Кихота:

Однако ж автор этой истории, несмотря на то, что он со всею любознательностью и усердием допытывался, какие именно деяния совершил Дон Кихот во время третьего своего выезда, так и не смог обнаружить на сей предмет каких-либо указаний, — по крайней мере, в летописях подлинных; только в изустных преданиях Ламанчи сохранилось воспоминание о том, что, выехав из дому в третий раз, Дон Кихот побывал в Сарагосе и участвовал в знаменитых турнирах, и там с ним произошли события, достойные его неустрашимости и светлого ума. О смерти его и кончине также ничего не удалось узнать, и так бы автор ничего не знал и не ведал, если бы счастливый случай не свел его с одним престарелым лекарем, обладателем свинцовой шкатулки, найденной, по его словам, среди развалин какой-то часовни; и вот в этой-то самой шкатулке оказались пергаменты, на которых готическим шрифтом были написаны испанские стихи, в коих содержались сведения о многих его подвигах, о красоте Дульсинеи Тобосской, о наружности Росинанта, о верности Санчо Пансы и о погребении самого Дон Кихота <...> И те из них, которые удалось прочесть и разобрать, правдолюбивый автор этой новой и доселе невиданной истории здесь приводит. При этом за огромный труд, который пришлось положить на розыски и копание в архивах Ламанчи, дабы вытащить эту историю на свет божий, автор не требует от своих читателей никакой другой благодарности, кроме того, чтобы они отнеслись к ней с таким же доверием, с каким люди здравомыслящие относятся к рыцарским романам.

Жизнь великой книги продолжается.

Литература

Манн Т. Путешествие по морю с Дон Кихотом / Перевод с нем. А. Кулишер // Манн Т. Собр. соч. в 10 тт. Т. 10 / Под ред. Н. Вильмонта и Б. Сучкова. М.: ГИХЛ, 1961. С. 174–228.

References

Mann, T. (1961). Voyage With Don Quixote. Translated by A. Kulisher. In: N. Vilmont and B. Suchkov, eds., *The collected works of T. Mann (10 vols)*. Vol. 10. Moscow: GIKhL, pp. 174–228. (In Russ.)